

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 821.14.02
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-5-12

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА НА ПОЭТОВ V в. (Нонн, Евдокия)

Татьяна Львовна Александрова

к. филол. н., доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

127051, Россия, г. Москва, Лихов пер., 5, стр. 1. tatianaalexandrova@yandex.ru

SPIN-код: 5164-6932

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6963-2263>

ResearcherID: I-8679-2018

Статья поступила в редакцию 08.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Александрова Т. Л. К вопросу о влиянии поэтического стиля Григория Богослова на поэтов V в. (Нонн, Евдокия) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-5-12

Please cite this article in English as:

Aleksandrova T. L. K voprosu o vliyaniy poeticheskogo stilya Grigoriya Bogoslova na poetov V v. (Nonn, Evdokiya) [On the Influence of Gregory the Theologian's Poetic Style on Poets of the 5th century (Nonnus, Eudocia)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-5-12 (In Russ.)

Цель данного исследования – проследить метод работы позднеантичных поэтов с текстами поэтов-предшественников, а также определить, какие тексты могли быть ими взяты за образец. Для этого применяется метод комплексного анализа с использованием поисковой системы корпуса TLG. Рассматриваются найденные автором примеры совпадения эпических формул, клише и малораспространенных лексем в поэзии Григория Богослова, Нонна и Евдокии. Эти примеры помогают понять метод работы позднеантичного поэта, пишущего на архаичном, искусственном, выученном языке. В основе поэтического творчества поздней античности лежит серьезная филологическая работа и внимательное изучение существующих поэтических произведений ради усвоения грамматических и метрических правил, а также формирования, пополнения собственного словаря. Притом что основу словарного запаса составляла лексика Гомера и других классических авторов, позднеантичные поэты с большим вниманием относились и к творчеству своих ближайших предшественников. Для поэтов V в. н. э. Григорий Богослов был уже новым классиком, не менее авторитетным, чем Гомер, и даже встречающиеся у него отступления от классической нормы несколько изменили само понятие нормы для христианской поэзии, в которой допускалась большая свобода по сравнению с античной классикой. Даже такой крупный поэт, как Нонн, не гнушается заимствованием у Григория отдельных формул в определенной метрической позиции, а также позволяет себе некоторые метрические вольности, которых мог бы избежать. Что касается Евдокии, то она порой составляет строки почти в центонной технике и еще более охотно использует чужие эпические формулы. В частности, некоторые употребленные поэтессой прозаизмы или диалектные формы оказываются заимствованиями из поэзии Григория Богослова, что позволяет снять с Евдокии высказывавшиеся в ее адрес упреки в недостаточном знании предшествующей традиции. Указанные особенности поэтического языка дают возможность говорить об общности творческого метода позднеантичных поэтов, несмотря на разницу дарований.

Ключевые слова: Григорий Назианзин; Нонн; Евдокия; Гомер; эпические формулы; позднеантичная поэзия; византийская литература.

В европейской культуре Нового времени позднеантичная поэзия воспринималась с большим трудом и скепсисом, поскольку многие ее принципы в корне расходились с новыми представлениями о сущности поэтического творчества, в котором более всего ценились оригинальность, личностность, спонтанность выражения. При взгляде с этих позиций позднеантичная поэзия казалась эпигонской и слабой. Лишь в последние десятилетия наметился перелом и стали делаться попытки понять мотивацию, устремления и эстетические критерии позднеантичных поэтов [Agosti 2012; Witby 2013]. Стало понятно, что их творчество было закономерным плодом перенасыщенной культуры, в которой практически все, что можно было сказать, уже сказано, и новым авторам оставались только изошренная ученость, переключка смыслов, игра аллюзий, а также освоение новой христианской тематики, однако эти смыслы и аллюзии сами по себе могут представлять большой интерес, а христианская тематика дала новый импульс поэтическому вдохновению. В связи с этим творческие достижения позднеантичных поэтов стали переоцениваться и оценка эта, как правило, смягчается.

В прошлом суровой критики не удалось избежать практически никому из поэтов, даже тем, кто считался значительным, – таковы св. Григорий Богослов и Нонн. Относительно Григория высказывались мнения, что сочинение посредственных стихов было для него своего рода успокоительным аутотренингом, поскольку он страдал депрессией [McGuckin 2006: 194–195; 204]. Нонна, за которым признавалось безупречное версификаторское мастерство, упрекали в вычурности и искусственности [История греческой литературы 1960: 384]. Что касается поэтов менее ярких, таких как императрица Евдокия, то им порой вообще отказывалось в праве называться поэтами. Евдокию упрекали не только в искусственности и вычурности, но и, что особенно оскорбительно для позднеантичного поэта, в невежестве и плохом знании традиции [Cametop 1982: 279; Van Deun 1993: 275].

Частные наблюдения, сделанные в процессе изучения языка поэмы «О св. Киприане», принадлежащей перу Евдокии, и отраженные в данной работе, как кажется, могут быть интересны для лучшего понимания общих принципов работы позднеантичного поэта.

Известно, что эта поэзия вырастала из школы, основной дисциплиной в которой была риторика [Agosti 2012: 373–375]. «Риторизация проявляется в тенденции, как теоретической, так и практической, в соответствии с которой проза окрашивается в поэтические тона и, наоборот, поэзия становится версифицированной

риторикой. Заслуживает внимания также влияние школы. По словам Кэмерона, в поэзию человека посвящали “не музы с горы Геликон, но *grammaticus* в школьном классе”. Здесь, конечно, не имеется в виду то, что многие из этих *grammatici* были поэтами поздней античности» [Moreschini 1995: 10].

Поэты писали не на том языке, на котором говорили и думали, а на том, который выучили в классе и которым владели с большей или меньшей свободой. Краеугольным камнем античной школы был Гомер. Занятия с грамматиком предполагали чтение с правильной просодией, объяснение литературных приемов, фразеологии; разбор этимологий; выработку правил и аналогий; изучение классической литературы, в ходе которого расширялось представление о языке и приемах поэтического творчества [Cribiore 2001: 185]. Самые успешные ученики по окончании курса обучения могли продолжать ученические экзерсисы уже в качестве самостоятельного творчества.

Лексический запас для собственного творчества поэт набирал, прежде всего, из поэм Гомера, из которых многое заучивалось наизусть. В дальнейшем этот вокабуляр пополнялся за счет позднейших авторов [Faulkner 2012; Maciver 2016], в первую очередь, эпиков, во вторую – трагиков, элегиков и лириков, затем комедиографов и даже прозаиков. Видимо, приветствовалось и собственное словотворчество, особенно создание сложных, витиеватых прилагательных, однако креативная способность авторов была различна. Порой из текста-ресурса заимствовались не просто лексические единицы, но целые стихотворные формулы и клише, иногда – моновербальные формулы (отдельные слова в определенной метрической позиции или грамматической форме [D’Ippolito 2016: 372]).

Именно такого рода литературными «упражнениями» занимался св. Григорий Богослов. Для последующей европейской христианской традиции его поэзия представляет собой явление, отчасти маргинальное, – во всяком случае, она не может сравниться по степени известности и влияния с его прозой. Однако важно понять, что для самого Григория такое поэтическое самовыражение представляло первостепенную важность. «Издавая корпус своих сочинений, Григорий... преследовал определенную цель: утвердить свое имя как первого великого христианского поэта; не просто версификатора, но поэта в полном значении этого слова в греческой культуре» [McGuckin 2006: 194; Agosti 2012: 366]. И похоже, что это ему удалось: именно как великого поэта, открывшего новые пути для христианской поэзии, воспринимали его ближайшие потомки.

В настоящее время считается, что на Григория в определенной мере ориентировался Нонн, особенно при создании «Парафразы Евангелия от Иоанна» (см. параллели в изд.: [Simelidis 2009]). «Похоже, что Нонна вдохновляло новаторское употребление Григорием слов и фраз, часто приспособленных для его христианского или автобиографического контекста» [Simelidis 2016: 299]. Многочисленные случаи использования редких слов, свидетельствующие о том, что Нонн знал Григория. Особенно показательны эпические формулы в той же метрической позиции.

Например:

Πατρός τ' ἀρχεγόνοιο πλάνην, καὶ μητρὸς ἀλιτρῆν (Greg. Naz. Carm. 1360, 10)

(«Древлерожденного отца заблуждение и матери прегрешение»)

и

Τηθύος ἀρχεγόνοιο συνέστιος· ἔνθεν ἰκάνω (Nonn. Dion. 8, 160)

(«С древлерожденной Тефией разделяющий очаг. Оттуда прихожу...»)

Слово **ἀρχεγόνοιο** («изначальный», «древлерожденный») редко встречается в поэзии, а именно в эпической форме Gen. sg., – только у Григория, Нонна и более поздних поэтов.

Τίς χάρις, ἦν σὺ πίθηκον ἔχης, βροτοειδέα λώβην (Greg. Naz. Carm. 1518, 10)

(«Что за радость, если будет у тебя обезьяна, человекообразное бесчестие...»)

и

εἰ δὲ πέλει θεὸς ἄλλος ἔχων βροτοειδέα μορφῆν (Nonn. Dion. 4, 90 et passim)

(«Если же есть другой бог, имеющий человекоподобный вид»)

Слово **βροτοειδής** («подобный смертному») помимо Григория и Нонна встречается только у поэта-астролога Манефона (Apotelesm. 6, 446), с творчеством которого знакомы оба, но у него употребляется в форме Dat. sg., так что Нонн, несколько раз употребивший форму Acc. sg., скорее ориентируется на Григория.

При этом Нонна в поэзии Григория, по видимому, не смущали неточности метрики и просодии, поначалу вызывавшие нарекания филологов-классиков. «Несовершенная метрика Григория Назианзина была сознательной и продуманной, – пишет Симелидис. – Возможно, именно она вдохновила Нонна на некоторые поэтические вольности. У Нонна в “Парафразе” есть некоторые неправильные долготы и зияния, которых он мог легко избежать. Как и Григорий, Нонн мог чувствовать, что метрическое совершенство не будет (или не должно быть) созвучно христианскому поэту и его аудитории» [Simelidis 2016: 306]. Григорий Богослов, с одной стороны, раздвинул рамки доз-

воленного, по-своему «канонизировав» метрическое несовершенство, с другой – своими неологизмами существенно обогатил лексико-грамматический ресурс, из которого позднейшие поэты пополняли свой запас с той же скрупулезностью и тщательностью, с какой они имитировали язык Гомера.

Несомненно, с творчеством Григория была знакома и современница Нонна, Евдокия. Сличение лексики ее поэмы «О святом Киприане» с лексикой Григория (при помощи поисковой системы TLG) позволяет сделать как некоторые выводы о влиянии на поэтессу прославленного каппадокийца, так и наблюдения за работой среднего позднеантичного поэта, собиравшего мозаику собственного сочинения из готового запаса словоформ, эпических формул и клише. В качестве маркеров влияния, как и в примерах с Григорием и Нонном, выбраны устойчивые клише и малочастотные лексемы, однако само влияние, несомненно, шире.

В первой же строке ее поэмы обращают на себя внимание формулы, заимствованные у Григория Богослова и Гомера:

Εὔτε Θεὸς γαίῃ φάος ἤγαγεν οὐρανῶθι πρό (Cyrp. 1)¹

(«Когда Бог привел на землю свет с неба»).

Ср.:

Εὔτε Θεὸς θνητὸς τε κραθεὶς, ἐπὶ γαίαν ὀδεύσας (Greg. Naz. Carm. 519, 5)

(«Когда Бог, соединенный со смертным, приля на землю...»)

и

ἦῦτε περ κλαγγὴ γεράνων πέλει οὐρανῶθι πρό (Hom. II. 3, 3)

(«Когда крик журавлей доносится с неба»)

(См. тж.: [Александрова 2018: 316]).

Представляется, что посредством таких аллюзий Евдокия недвусмысленно указывает на авторов, служащих для нее образцом.

Текстуальных совпадений с Григорием Богословом у нее можно найти довольно много, хотя чаще всего оказывается, что оба поэта заимствуют из общего ресурса. Прежде всего, это, конечно, Гомер.

Например:

Ἐκ χθονὸς, ὑμνητῆρα ἐμῶν μενέων τε, νόου τε. (Greg. Naz. Carm. 452, 4)

(«...С земли, воспевающего мои силы и разум»)

и

ὄρκον;“ ὁ δ' αὖτ' ἀλάμειπτο· „ἐμῶν μενέων κατὰ πάντων (Eudoc. Cyrp. 1, 188)

(«...клятву. Он же ответил: «Всеми моими силами»)

– общим источником явно имеют гомеровское:

σχέτλιος, αἰὲν ἀλιτρός, ἐμῶν μενέων ἀπερωεύς (Hom. II. 8, 361)

(«Несчастный, всегда злобный, помеха моим силам»).

Видно, что эпическая формула находится в одной и той же метрической позиции. Такие гомеризмы есть у всех поэтов, хотя нельзя исключить и той возможности, что выражение было заимствовано не прямо у Гомера, а через поэта-посредника, особенно если формула перенесена в другую метрическую позицию.

Например, исходный гомеровский вариант таков:

δοιαὶ γάρ τε πύλαι ἀμενηνῶν εἰσὶν ὀνειρώων (Hom. Od. 19, 562)

(«двое ворот – для бессильных снов»).

У Григория Богослова ἀμενηνῶν стоит в другой метрической позиции:

Εὐξατο· τίς δ' ἐσάκουσε λιταζομένων ἀμενηνῶν (Greg. Naz. Carm. 407, 7)

(«Молился. Кто же услышал молящихся бессильных»).

И у Евдокии та же моновербальная формула стоит в той же позиции, что у Григория Богослова:

ρέξασκ' εὔτε κόνιν μορφᾶς βρετέων ἀμενηνῶν (Eudoc. Cyp. 1, 244)

(«когда разбил в прах образы бессильных идолов»).

Впрочем, нельзя исключить возможности, что Евдокия самостоятельно перенесла моновербальную формулу в ту же позицию, что и Григорий Богослов.

Еще один пример общего заимствования гомеровской формулы, однако похоже, что Евдокия получает ее через посредство Григория.

У Гомера читаем:

δεινὸν δερκόμενοι θάμβος δ' ἔχεν εἰσπορόωντας... (II. 3, 342)

(«Грозно взирающие. И ужас объял смотрящих»).

У Григория:

Θάμβος ἔχεν μ' ὀρόωντα τόσον γόνον Ἐμμελίοιο... (AG 8, 162, 1)

(«Восхищение владело мной, когда я видел такое потомство Эммелии»).

И у Евдокии:

Θάμβος ἔχεν δέ με πάμπαν, ἐπεὶ μεσίτας ἐσώπλα... (Eudoc. Cyp. 2, 202)

(«Мной овладело восхищение, когда я увидел посредников»).

Есть у Григория и Евдокии общие заимствования из других поэтов, при этом опять-таки возможно, что Евдокия заимствует не из первоисточника, а через посредство Григория.

Например, слово ἀτασθαλίη, «несчастье», которое у Гомера всегда употребляется во множе-

ственном числе, в единственном может быть заимствовано из Гесиода:

φάσκε δὲ τιταίνοντας ἀτασθαλίη μέγα ρέξαι (Theog. 209)

(«Сказал, что они простерли [руку], чтобы сотворить великое нечестие»).

Однако в форме винительного падежа и в одной и той же метрической позиции оно используется у Григория и Евдокии:

Εἰ μή μοι στήσειας ἀτασθαλίην τε ρόον τε Greg. Naz. Carm. 1379, 13

(«Если ты мне не остановишь и несчастье, и поток»),

ἐν φρεσὶ δ' ἦσι νόησεν ἀτασθαλίην κακοεργοῦ, (Eudoc. Cyp. 1, 60)

(«В душе она думала о несчастье злодея»).

Некоторые формы Евдокия может заимствовать из Григория через посредство Нонна. Например, у обоих поэтов встречается редкое слово πολυπλανής («многоблуждающий») в форме Gen. Sg.

Само слово можно было заимствовать из разных источников: у Еврипида (Hel. 203), у Платона (Politic 288A), у Евсевия Кесарийского (Praepar. Ev. 4, 20, 2) и др. У Григория оно употребляется дважды: в Greg. Naz. Carm. 1385, 1:

Οὐδέ πη ἔκβασίς ἐστι πολυπλανέος βίότιο

(«Нигде нет исхода из полной блужданий жизни»)

– и в Greg. Naz. Carm. 1485, 1, где повторяется формула πολυπλανέος βίότιο.

Похожая формула есть у Нонна:

ἔργα πολυπλανέος βιοτῆς ἑτερόφρονοι λύσση (Demonstr. 5, 115)

(«Дела полной блужданий жизни чуждым безумием...»).

У Евдокии словоформа πολυπλανέος встречается 3 раза:

ἀλλὰ πολυπλανέος τάδε δαίμονος, ἀντιθέων τε (Eudoc. Cyp. 2, 273)

(«но это – [создание] обманщика демона и богоборцев»)

и в той же метрической позиции в Eudoc. Cyp. 2, 383 и Eudoc. Cyp. 2, 418.

Здесь возможны варианты: Евдокия могла заимствовать у кого угодно, включая Нонна (и даже скорее всего именно у него [Александрова 2018a]). Нонн, видимо, заимствует у Григория Богослова, тот мог взять слово из любого предшествующего источника.

Некоторые слова, возможно, принадлежали общему арсеналу позднеантичной поэзии, из которой до нас дошло далеко не все. Например, редкое в принципе, но любимое Григорием слово ἀτρεκίη («истина») до него зафиксировано в Гиппократовском корпусе, а также у поэта-астролога примерно III в. н. э., Манефона (Apotelesm. 3, 29);

о влиянии Манефона на Григория Богослова см.: [Simelidis 2009, 47]. Кроме того, оно несколько раз попадает у Нонна и в эпиграммах Палатинской антологии. У Евдокии оно также встречается два раза (Eudoc. Cyp. 1, 210 и 2, 447). При этом для Евдокии, учитывая специфику ее поэмы, повествующей об обращении в христианство колдуна и языческого мудреца, интерес к Гиппократовскому корпусу и астрологической поэме Манефона был бы оправдан. Что же до св. Григория, то его знакомство с такого рода памятниками кажется несколько неожиданным (как, впрочем, и тот факт, что он часто цитирует Сапфо [McGuckin 2006: 193]). Однако можно предположить, что поэты с большим интересом воспринимали любые сочинения своих недавних предшественников, из которых могли что-то почерпнуть для себя.

Так, несомненно, большой популярностью пользовались поэмы двух поэтов, сохранившиеся под именем Оппиана, – «О псовой охоте» и «О рыбной ловле» (на самом деле их авторы – два разных поэта [Agosti 2012: 385]). Заимствования из Оппиана встречаются практически у всех позднейших авторов, в том числе у Григория, Нонна и Евдокии. Например:

καὶ ταναοὺς ὄρνιθας ἀπ' ἡέρος εἰρύσασθαι (Opp. Syneg. 1, 51)

(«И высоко летающих птиц спустить с воздуха»),

Ἀστεροτὴν φεύγουσαν ἀπ' ἡέρος. Ἀλλὰ τὸδ' ἔμπης (Greg. Naz. Carm. 536, 5)

(«Молнию, бегущую с воздуха. Но это все же...»),

οὐ δὲ λάθεν Διόνυσον ἀπ' ἡέρος ἰὸς ἀλήτης (Nonn. Dion. 29, 78)

(«Не скрылась от Диониса по воздуху блуждающая стрела»),

καὶ πινυτοὺς γὰρ ἔτευξεν, ἀπ' ἡέρος εἰρύσας ἄσθμα (Eudoc. Cyp. 2, 211)

(«и сделал мудрыми, дав дыханье от воздуха»).

У всех авторов сочетание ἀπ' ἡέρος стоит в одной и той же метрической позиции.

Удалось также найти несколько примеров, которые встречаются только у Григория и Евдокии. Представляется, что Евдокия сознательно ориентируется на поэзию св. Григория, считая его таким же классиком, как Гомер. Ориентацией на него, по-видимому, объясняются и некоторые просодические и лексические вольности ее поэмы, которые исследователи склонны были приписывать ее «невежеству».

Вероятно, у Григория Евдокия берет некоторые прозаизмы:

Νυμφῶνός τε γάμου τε, φίλων τ' ἀπὸ τῆλε πέσοιμι (Greg. Naz. Carm. 502, 6)

(«Вдали от брачного чертога, брака и друзей я, может быть, паду»),

ὄφρα σὺν ἡμετέρῳ μνηστῶ **νυμφῶνα** κατείδω (Eudoc. Cyp. 1, 129)

(«Пока не увижу брачный чертог с нашим Женихом»).

Слово **νυμφῶν** – «брачный чертог» – употребляется в прозе (ср.: Мф. 9, 15).

Преимущественно в прозе употребляется слово **σημήϊον** (ионийская форма слова σημεῖον, «знак»). В поэзии она встречается только у Трифиодора, Григория Нонна и Евдокии.

Εἶ τοι μὴδὲ πυρὸς σημήϊον, ἀλλὰ τάχιστα (Greg. Naz. Carm. 588, 5)

(«Если только не огненное знамение, но быстрее всего...»)

и
νίκησε κρατερῶς σημήϊον, ὅτι δέδорκα (Eudoc. Cyp. 1, 137)

(«Мощно победило знамение, которое я видел»).

Трифидора Евдокия, по-видимому, не знала (во всяком случае, пересечений с ним в ее поэме найти не удалось). Значит, она могла заимствовать слово у Григория или у Нонна, который, в свою очередь, заимствовал у Григория.

Еще один пример. Редкое слово **ἄμαρτάς** («грех») используется преимущественно в прозе (у Геродота, Дионисия Галикарнасского и других, хотя есть и во фрагментах Эсхила). Однако у Григория оно встречается 4 раза.

Λούσατο, ἀλλ' ἐκάθηρεν **ἄμαρτάδας**, ἀλλ' ἐβοήθη... (Greg. Naz. Carm. 407, 3 – также Greg. Naz. Carm. 455, 10; 996, 6; 1274, 4)

(«Омылся, очистился от грехов, возопил»).

У Евдокии оно употреблено в той же метрической позиции и с той же (буколической) цезурой: ἐξερέειν, κύδιστε, **ἄμαρτάδας**, ἅς περ ἔτευξα... (Eudoc. Cyp. 1, 113)

(«Исповедать, о славный, грехи, которые я совершила»).

Видимо, у Григория заимствовано сочетание Χριστὸς ἄναξ (Greg. Naz. Carm. 429, 6), хотя у Евдокии оно употреблено в другой форме:

ὡς Χριστὸν μόνον μνηστὸν θεμένη τὸν ἄνακτα (Eudoc. Cyp. 1, 2)

(«Одного Владыку Христа называя Женихом»).

Только у Григория и Евдокии встречаются такие формулы:

Ἔρας, ἄνθεα τερπνὰ, βροτῶν φύσιν, **ἡερίων τε** (Greg. Naz. Carm. 1526, 12)

(«Времена года, приятные цветы, природу смертных и небесных»)

и
οὐδέ τί με χθονίων πρῆξις λάθεν **ἡερίων τε** (Eudoc. Cyp. 2, 77)

(«Не было от меня скрыто ничто из деяний подземных или небесных»)

или:

Δὴ τότε παρθενὴν στράψεν μερόπεσσι φαεινὴ
(Greg. Naz. Carm. 538, 3)

(«Тогда-то воссияло смертным блистательное девство»)

и

ᾠφρα γε φαντασίην μόνην μερόπεσσι φαεινὴ
(Eudoc. Cypr. 2, 257)

(«Пока не покажут смертным одно лишь видение»).

Только у Григория появляется слово *παρφασίη* – «напоминание», «указание», «увещание» (у других авторов встречается *παραιφασίη*, *παράφασις* и *πάρφασις*):

Δυσμενέος τε δόλος, *παρφασίη* τ' ἀλόχου (Greg. Naz. Carm. 894, 2).

(«Козни врага и увещание супруги»)

и

Ἀλλά σε *παρφασίησι* θεουδέσι πολλὸν ἀρείω
(Greg. Naz. Carm. 1453, 3)

(«Но тебя божественными увещаниями намного лучше...»).

В поэме Евдокии оно встречается два раза:

...*παρφασίη*· ἀτὰρ αὐτε κατηγήεις λόγος ἀνδρῶν
(Eudoc. Cypr. 1, 277;

ср.: Eudoc. Cypr. 2, 369)

(«...увещание. А также огласительное слово к мужам»).

Интересно, что это слово есть даже в Гомеровском центоне, над составлением которого также работала Евдокия:

παρφασίη τ' ἔκλεψε νόον πύκα περ φρονεόντων
(1НС. 37)

(«Увещанием он обманул ум и разумных»).

У Гомера (Hom. II. 14, 217) в этом месте стоит слово *πάρφασις*, которое Евдокия заменила в процессе грамматической аккомодации. Повторяется оно и в других редакциях центона.

Итак, рассмотренные примеры позволяют увидеть единство методов, которыми пользовались все позднеантичные поэты. Конечно, «высшим пилотажем» было свободное владение стихом и богатый лексический запас в сочетании с собственной способностью к словотворчеству – то, чем так изобильно творчество Нонна. Менее одаренные поэты чаще прибегали к заимствованиям (так, Евдокия пишет свои стихи порой почти в центонной технике). Однако примечательно, что Нонн, будучи виртуозным мастером слова, отнюдь не гнушался подобным способом пополнения своего поэтического арсенала и с пиеетом относился к творчеству Григория Богослова, несомненно, уступающего ему в таланте, что,

скорее всего, подтверждает его собственную принадлежность к христианской традиции (хотя он остается и «поэтом муз» [Shorrock: 2011, 78]). Что касается Евдокии, то с нее должны быть сняты упреки в «невежестве», поскольку многое из того, что считалось ее собственным изобретением, или заимствовано у предшественников-христиан, или же она осознанно следует тем принципам, которые были освящены авторитетом св. Григория Богослова.

Примечание

¹ Первые 99 строк поэмы найдены и изданы отдельно, см.: Bevegni C. Eudociae Augustae Martyrium S. Cypriani I 1–99 // Prometheus 1982. P. 249–262.

Список источников

AG – Anthologia Graeca – Anthologia Graeca / ed. H. Beckby. Vol. 1–4. Munich, 1965–1968.

Greg. Naz. Carm. – Gregorius Nazianzenus. Carmina – Gregorii Nazianzeni opera quae extant Omnia / J.-P. Migne // Patrologiae cursus completus (series Graeca). Vol. 37. Paris: Migne, 1862. – 1604 col.

Eudoc. Cypr. – Eudocia Augusta. De sancto Cypriano – Eudociae Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum graecorum reliquiae / ed. A. Ludwich. Leipzig, 1897. P. 11–79.

Hom. II. – Homerus. Ilias – Homeri Ilias / ed. T. W. Allen. Vols. 2–3. Oxford, 1931. Vol. 2. P. 1–356. Vol. 3. P. 1–370.

Hom. Od. – Homerus. Odyssea – Homeri Odyssea / ed. P. von der Mühlh. Basel, 1962. P. 1–456.

Man. Apotelesm. – Manetho. Apotelesmata – H. Köchly, *Poetae bucolici et didactici*. Paris: Didot, 1862. P. 41–101.

Opp. Cyneg. – Oppianus. Cynegetica – *Oppian, Colluthus, Tryphiodorus* / ed. A. W. Mair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1928 (repr. 1963): P. 2–198.

Opp. Halieut. – Oppianus. Halieutica – *Oppian, Colluthus, Tryphiodorus* / ed. A. W. Mair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1928 (repr. 1963). P. 200–514.

Nonn. Dion. – Nonnus. Dionysiaca – *Nonni Panopolitani Dionysiaca* / ed. R. Keydell. 2 vols. Berlin: Weidmann, 1959. Vol. 1. P. 1–500. Vol. 2. P. 1–509.

TLG – Thesaurus Linguae Graecae® Digital Library / ed. Maria C. Pantelia. University of California, Irvine. URL: <http://www.tlg.uci.edu> (дата обращения: 07.03.2018).

1НС – Homocentra, Recensio I. – Eudocia Augusta. Homocentra / ed. M. D. Usher // Bibliotheca Graecorum et Romanorum Teubneriana. Leipzig: Teubner, 1999. 116 p.

Список литературы

- Александрова Т. Л.* Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). СПб.: Алетейя, 2018. 416 с.
- Александрова Т. Л.* Императрица Евдокия – читательница Нонна Панополитанского? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018(а). Сер. III, № 55/2. С. 9–19.
- История греческой литературы*: в 3 т. / под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1960. Т. 3. 438 с.
- Agosti G.* Greek Poetry // *The Oxford Handbook of Late Antiquity* / ed. S. Johnson. Oxford, 2012. P. 361–404.
- Cameron A.* The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II // *Yale Classical Studies*, 27. 1982. P. 217–289.
- Cribiore R.* *Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton; Oxford, 2001. 270 p.
- D'Ippolito J.* Nonnus' conventional formulaic style // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. Leiden; Boston, 2016. P. 372–401.
- Faulkner A.* Faith and Fidelity in Biblical epos: The Mrtaphrasis Psalmorum, Nonnus and the Theory of Translation // *Nonnus of Panopolis in context. Poetry and cultural milieu in late antiquity with a section on Nonnus and the Modern World* / ed. K. Spanoudakis. Berlin; Boston, 2014. P. 195–210.
- Maciver C.* Nonnus and Imperial Greek Poetry // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. Leiden; Boston, 2016. P. 529–549.
- McGuckin J.* Gregory: the Rhetorician as poet // *Gregory of Nazianzus: Images and Reflections* / ed. J. Bortnes, T. Hägg. Copenhagen, 2006. P. 193–212.
- Moreschini C., Norelli E.* *Early Christian Greek and Latin Literature. Vol. 2.* Peabody, 2005. 734 p.
- Simelidis Ch.* Selected poems of Gregory of Nazianzus. I. 2. 17: II. 1.10; 19, 32: A critical edition with introduction and commentary. *Hypomnemata*, 177. Göttingen, 2009. 284 p.
- Simelidis Ch.* Nonnus and Christian literature // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. Leiden; Boston, 2016. P. 289–307.
- Shorrock R.* *The Myth of Paganism. Nonnus, Dionysos and the World of Late Antiquity*. London, 2011. IX+181 p.
- Van Deun P.* The poetical writings of the empress Eudocia. An evaluation // *Early Christian Poetry. A Collection of Essays* edd. J. den Boeft, A. Hilhorst. Leiden: Brill, 1993 (*Vigiliae Christianae Suppl.* 22). P. 273–282.
- Witby M.* Writing in Greek // *Theodosius II: Re-thinking the Roman Empire in Late Antiquity* / ed. C. Kelly. Cambridge, 2013. P. 195–218.

References

Aleksandrova T. L. *Vizantiyskaya imperatritsa Afinaida-Evdokiya: zhizn' i tvorchestvo v kontekste epokhi pravleniya imperatora Feodosiya II* [The Byzantine empress Athenais-Eudocia: life and literary works in the context of the reign of Theodosius II (401–450)]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2018. 416 p. (In Russ.)

Aleksandrova T. L. Imperatritsa Evdokiya – chitatel'nitsa Nonna Pano-politanskogo? [Was Eudocia the reader of Nonnus?]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2018(a), issue 55/2, pp. 9–19. (In Russ.)

Istoriya grecheskoy literatury: v 3 t. [The history of Greek literature: in 3 vols.]. Ed. by S. I. Sobolevskiy, M. E. Grabar'-Passek, F. A. Petrovskiy. Moscow, 1960, vol. 3. 438 p. (In Russ.)

Agosti G. Greek Poetry. *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Ed. by S. Johnson. Oxford, 2012, pp. 361–404. (In Eng.)

Cameron A. The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies*, 1982, 27, pp. 217–289. (In Eng.)

Cribiore R. *Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton, Oxford, 2001. 270 p. (In Eng.)

D'Ippolito J. Nonnus' conventional formulaic style. *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Ed. by D. Accorinti. Leiden – Boston, 2016, pp. 372–401. (In Eng.)

Faulkner A. Faith and Fidelity in Biblical Epos: The Mrtaphrasis Psalmorum, Nonnus and the Theory of Translation. *Nonnus of Panopolis in context. Poetry and cultural milieu in late antiquity with a section on Nonnus and the Modern World*. Ed. by K. Spanoudakis. Berlin–Boston, 2014, pp. 195–210. (In Eng.)

Maciver C. Nonnus and Imperial Greek Poetry. *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Ed. by D. Accorinti. Leiden – Boston, 2016, pp. 529–549. (In Eng.)

McGuckin J. Gregory: the Rhetorician as poet. *Gregory of Nazianzus: Images and Reflections*. Ed. by J. Bortnes, T. Hägg. Copenhagen, 2006, pp. 193–212. (In Eng.)

Moreschini C., Norelli E. *Early Christian Greek and Latin Literature. Vol. 2.* Peabody, 2005. 734 p. (In Eng.)

Simelidis Ch. *Selected poems of Gregory of Nazianzus. I. 2. 17: II. 1.10; 19, 32: A critical edition with introduction and commentary.* *Hypomnemata*, 177. Göttingen, 2009. 284 p. (In Eng.)

Simelidis Ch. Nonnus and Christian literature. *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Ed. by D. Accorinti. Leiden – Boston, 2016, pp. 289–307. (In Eng.)

Shorrock R. *The Myth of Paganism. Nonnus, Dionysos and the World of Late Antiquity*. London, 2011. IX+181 p. (In Eng.)

Van Deun P. The poetical writings of the empress Eudocia. An evaluation. *Early Christian Poetry*.

A Collection of Essays. Ed. by J. den Boeft, A. Hilhorst. Leiden, Brill, 1993 (*Vigiliae Christianae* Suppl. 22), pp. 273–282. (In Eng.)

Witby M. Writing in Greek. *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Ed. by C. Kelly. Cambridge, 2013, pp. 195–218. (In Eng.)

ON THE INFLUENCE OF GREGORY THE THEOLOGIAN'S POETIC STYLE ON POETS OF THE 5th CENTURY (Nonnus, Eudocia)

Tatiana L. Aleksandrova

Associate Professor in the Department of Ancient Languages and Early Christian Literature

St. Tikhon's Orthodox University

6/1, Likhov pereulok, Moscow, 127051, Russian Federation. tatianaalexandrova@yandex.ru

SPIN-code: 5164-6932

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6963-2263>;

ResearcherID: I-8679-2018

Submitted 08.05.2018

The purpose of this study is to trace how poets of Late Antiquity worked with texts of their predecessors, as well as to determine what texts they could take as a model. To that end, a method of complex analysis is applied with the use of special research program (TLG). The article discusses examples of identical epic formulas, clichés and separate lexemes (monoverbal formulas) found by the author in poetic works by Gregory of Nazianzus, Nonnus and Eudocia. These examples help the reader to understand the method of work typical of the poets of that period, who were creating their verses with the use of the archaic, artificial, not natural for them but acquired language. At the core of poetic work of Late Antiquity lies a serious philological work and careful study of the existing poetry so that poets could assimilate grammatical and metrical rules, as well as develop their own poetic vocabulary. Although the basis of this individual vocabulary was formed by the language of Homer and other classical authors, poets of Late Antiquity treated with great attention the literary works of their immediate predecessors. For the poets of the 5th century AD, Gregory of Nazianzus was already a new classic, not less authoritative than Homer, and his deviations from the classical norm even influenced the very notion of norm for Christian poetry, which allowed more freedom in comparison with the classical authors. Even such a significant poet as Nonnus did not mind borrowing some formulas in a particular metrical position (“sedes”) from Gregory's works as well as allowed himself some metric licenses, which could be easily avoided. As far as Eudocia is concerned, she often composed her verses in semi-centonic technique and even more willingly used various epic formulas. In particular, some prosaisms or dialect forms used by Eudocia are in fact borrowings from the poetry by Gregory. This fact allows Eudocia to be freed from the blame of ignorance and insufficient knowledge of the earlier tradition. These observations of poetic language allow us to speak about the common method of the poets of Late Antiquity, despite the difference in their talents.

Key words: Gregory of Nazianzus; Nonnus; Eudocia; epic formulae; late ancient poetry; Byzantine literature.